Шлёцер Б.Ф.

Ницше и Достоевский[1]

С Вашего позволения, я начну с личного воспоминания: в 1893–1894 годах я учился на Кавказе в средней школе, в маленьком городке, удаленном от интеллектуальной жизни. Мы зачитывались романами Петра Боборыкина[1*], весьма популярным в тот период (и утратившим ныне свою популярность). Играя значительную роль в период эмиграции в Париже, а также в Берлине, в каждом из его романов слышался отголосок новейших направлений философской, художественной и литературной моды. Эти романы было достаточно поверхностны и карикатурны, но это было все, что мы могли найти в этой отдаленной провинции.

В 1893 г. вышел один из его романов, название которого я не могу вспомнить; его герои были учениками Ницше, о котором, разумеется, я не знал до этого. Кроме того, автор создает комический персонаж, это запоздалый последователь Гегеля, один из последних приверженцев идеализма 30–40-х годов XIX в., которого современники прозвали «плезиозавром диалектики». Ницшеанец был эгоистом, надменным, холодным, полным презрения по отношению к другим; даже несмотря на свое богатство, когда его просили о помощи, он отвечал: «Падающего – толкни».

К подобному упрощенному образу ницшеанства вскоре обратился Толстой. В статье «Что такое искусство?» он резко критикует Ницше, за цинизм и безнравственность.

Возможно ли было в то время представить сопоставление идей Достоевского и Ницше, произошедшее позднее? Ницше был мало известен, а в оценке мировоззрения Достоевского впоследствии произошли значительные перемены. Действительно, героями Достоевского часто становились революционеры, имморалисты, атеисты, большая часть из них кончала плохо: каторжные работы, самоубийства, безумие. Мораль была спасена. Кроме того, политическая позиция Достоевского и его христианская вера устраняли любые подозре-

[1] Автор выражает признательность О.И. Мачульской за ценные советы по редактированию перевода данной статьи.

ния относительно возможности симпатии со стороны автора к этим опасным бунтовщикам.

Лев Шестов в работе «Достоевский и Ницше (философия трагедии)»[2*] (1903) и Мережковский в эссе «Л. Толстой и Достоевский»[3*] были первыми в России в начале века, кто сопоставлял идеи Достоевского и Ницше. Для Шестова они – «братья по духу». В дальнейшем связь между Достоевским и Ницше изучали, комментировали, и недавно Андре Шеффнер[4*] в замечательном предисловии к «Письмам Ницще Питеру Гасту», опубликованным в 1958 году издательством Rocher, предложил исчерпывающий, насколько это возможно в рамках наших современных представлений, анализ этой связи.

Имя Достоевского впервые встречается у Ницше в письме к Гасту[5*] от 13 февраля 1887 года. Он спрашивает Гаста: «Знаете ли Вы Достоевского? Кроме Стендаля, никто не доставлял мне столько удовольствия и никто так не изумлял меня. Это единственный психолог, у которого я мог бы чему-нибудь поучиться». Ранее в письме Овербеку[6*] он уже делал намек на Достоевского; а 23 февраля опять же в письме Овербеку из Ниццы он пишет о том, что случайно заметил одну из книг Достоевского в витрине книжного магазина, не уточняя города и магазина. Эта книга называлась «Записки из подполья» (L`esprit souterrain). Этот перевод, или же скорее крайне свободная интерпретация, И. Гальперина и Ч. Морис появился в ноябре 1886 года[7*]. Однако, как замечает А. Шеффнер, Ницше внес окончательные исправления в предисловие к работе «Утренняя заря» в последнюю неделю 1886 года под влиянием чтения Достоевского. Действительно, там мы читаем: «В этой книге выведен житель подземелья за работой – сверлящий, копающий, подкапывающий»[2]. Значит, Ницше открыл Достоевского не в феврале 1887 года, а на несколько месяцев раньше. В этом предисловии прослеживается очевидная связь с названием повести Достоевского, так же как и бросающееся в глаза постоянное использование слова «подпольный».

Вместе с тем, А. Шеффнер указывает, что Ницше определенно читал статью Поля Жинисти[8*], вышедшую в октябре 1886 года в журнале «Жиль Блаз»[9*], в которой автор говорит о романе, в переводе, озаглавленном как Les possedés («Одержимые»), но в действительности имеющем название Les démons («Бесы»), также он пишет о «Преступлении и наказании» и об «Униженных и оскорбленных». П. Жинисти адаптировал для сцены роман «Преступление и наказа-

[2] *Ницше Ф.* Утренняя заря. СПб., 2012. С. 7.

ние», и Ницше упоминает эту постановку в письме Питеру Гасту от 14 ноября 1888 года.

Принимая во внимание приведенные факты, можно утверждать, что Ницше читал такие произведения Достоевского, как «Записки из подполья» (La voix souterrain), «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», «Бесы»; вопрос остается открытым в отношении «Братьев Карамазовых». В противоположность Андлеру[10*], А. Шеффнер утверждает следующее: французский перевод романа «Братья Карамазовы» появился в 1888-м, задолго до крушения Ницше, немецкий перевод был издан на четыре года раньше. Вполне возможно, что Ницше читал именно этот перевод. В его библиотеке были найдены переводы на немецкий трех русских авторов: Пушкина, Гоголя и Толстого, но не Достоевского. Однако это ничего не доказывает, поскольку сестра Ницше утверждает, что многие книги из библиотеки ее брата исчезли, он давал их знакомым, терял, забывал в пансионах, где он жил.

Позволю себе напомнить Вам, что писал Ницше о Достоевском: «Какое освобождение испытываешь, читая Достоевского!»[3] «...Достоевского, единственного психолога, у которого я мог кое-чему поучиться: он принадлежит к самым счастливым случаям моей жизни, даже еще более, чем открытие Стендаля»[4]. В работах «Казус Вагнер» и «Антихрист» Ницше, разумеется, делает намек именно на Достоевского, когда пишет: «И в Санкт-Петербурге! где ещё отгадывают такие вещи, каких не отгадывают даже в Париже»[5].

Итак, мы вкратце изложили факты. Но наибольший интерес для нас представляет, прежде всего, понимание того, чему «научился» у Достоевского Ницше, согласно его собственному выражению, того, что дал ему Достоевский. Когда мы выделим те положения, которые свидетельствуют о близости их идей, нам откроется факт так называемого «духовного родства».

Мы знаем, скольким обязан Ницше французским моралистам, какую высокую оценку давал он авторам XVII–XVIII вв, а также

---

[3] *Nietzsche F.* Volonté de puissance (Воля к власти). tr. Geneviève Bianquis, N. R. F., II. P. 343. В русском переводе такой цитаты нет.

[4] *Ницше Ф.* Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. Так говорил Заратустра. Казус Вагнер. Сумерки идолов, или как философствуют молотом. Антихрист. Ecce homo. М., 2011. С. 522.

[5] *Ницше Ф.* Казус Вагнер // Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. Так говорил Заратустра. Казус Вагнер. Сумерки идолов, или как философствуют молотом. Антихрист. Ecce homo. М., 2011. С. 422.

Стендалю, которого он открывал для себя в 1879 году, уже в 35-летнем возрасте. Помимо их точного и ироничного стиля, к которому он был особенно восприимчив, эти авторы были особенно значимы для Ницше, поскольку они развенчивали человека общественного, разоблачали неоднозначный характер чувств, кажущихся благородными и великодушными, вскрывали эгоизм, тщеславие и мелочность, присущие поступкам человека.

Что мог еще открыть ему Достоевский? Я думаю, опыт пережитого зла. Вы, вероятно, скажете мне, что это весьма неопределенная формулировка – я постараюсь высказаться конкретнее.

Этот опыт пережитого зла нашел свое выражение, прежде всего, в произведении Достоевского, популярном в России, а затем в Европе, произведении, которое во французском переводе называется Souvenirs de la maison des mortes («Записки из мертвого дома»). Необходимо отметить, что этот перевод неточен: заглавие «Записки из мертвого дома» обладает другим смыслом. Каторжники не являются мертвыми, даже метафорически; место, где находятся мертвые, обычно называют кладбищем или городом мертвых. Но люди, которые на протяжении 24 лет были товарищами Достоевского, все-таки живые.

Считается, что «Записки из мертвого дома» – книга, занимающая особое место в творчестве Достоевского; действительно, в первый и последний раз автор «освобождается» от охватывающей его симпатии к товарищам по несчастью. Он хотел быть объективным и достиг этого. Его произведение, таким образом, имеет ценность документальную и историческую – вскоре после его публикации и реакции, которую оно вызвало в обществе, последовал ряд улучшений в системе сибирских тюрем. Достоевский не скрывает ничего относительно преступлений, совершенных его товарищами по заключению: они жгли, грабили, воровали, калечили целые семьи, включая детей, и часто убивали только из удовольствия. Они – монстры. Однако книга заканчивается неожиданным образом. Рассказчик, то есть Достоевский, в день своего освобождения в последний раз проходит вдоль частокола, окружающего острог. И он приходит к следующему выводу: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно»[6].

[6] *Достоевский Ф.М.* Записки из мертвого дома // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 4. Ленинград, 1972. С. 231.

Разве не является возмутительной эта фраза, сказанная в отношении преступников и убийц? Сам Достоевский отдает себе отчет в провокационности и возможных последствиях такого заключения в подобной книге о подобном месте? Я рискну высказать свое мнение. Неординарность ситуации заключается в том, что эта фраза, которую с легкостью можно приписать Ницше, на самом деле не была ни возмутительной, ни скандальной. Принимая во внимание добросердечность автора, его христианские чувства, нужно понимать, что он склонен видеть в каждом человеке, как бы низко тот ни пал, брата, согласно выражению Гоголя. Лев Шестов в первую очередь обратил внимание на близость этого высказывания идеям Ницше.

«Записки из мёртвого дома» были изданы в России в 1862-м. Два года спустя автор публикует книгу, которая известна во Франции под разными названиями: L'esprit souterrain («Дух подполья» или «Подпольное сознание»), La voix souterraine («Голос из подполья»), Mémoires écrits d'un souterrain («Воспоминания, написанные в подполье»), Le Sous-sol («Подполье»)[11*]. Для русского слова «подполье», означающего изолированное замкнутое пространство, в подвале, в основании дома, не существует французского эквивалента. В «Записках из мертвого дома» автор открывает бездну зла в другом человеке; тогда как в «Записках из подполья» (Le Sous-sol) в процессе долгой беседы героя с самим собой выясняется, что зло в каком-то смысле заключено в самом «Я», которое занимается самоанализом с жестокой откровенностью. Сложно представить более позорную и бесстыдную исповедь, поскольку в отличие от великих бунтовщиков «Преступления и наказания», «Бесов», «Братьев Карамазовых», окруженных романтическим ореолом, герой «Записок из подполья», скромный чиновник в отставке, является ничтожеством, «насекомым», как он сам себя называет. Трагичность ситуации заключается в полном осознании героем своей мерзости, низости, и для читателя становится очевидным, что единственным преимуществом «подпольного человека» по отношению к окружающим является его крайне изощренный ум. Позднее, Достоевский в своем «Дневнике» воздаст должное сделанному в «Записках из подполья» изобличению истинной натуры русского человека. Отважиться ли нам пойти дальше и сказать: любого человека вообще? И, тем не менее, этот жалкий, одетый в грязный и ветхий халат человек, боящийся своей прислуги и мучающий проститутку, в которой он жестоко пробуждает любовь, все-таки является одним из великих нигилистов Достоевского; он представляет собой извращенный и пошлый образ Раскольникова, Кириллова, Ставрогина, Ивана Карамазова. Он также противопостав-

ляет свою волю Богу, морали, порядку природы, кроме того, он оказывается по ту сторону добра и зла, если не в действиях, то на словах и в воображении. «Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»[7]. Дух «Записок из подполья», даже несмотря на искажение текста первыми переводчиками, глубоко затрагивает Ницше и открывает ему опыт зла в психологическом смысле.

Были высказаны предположения о том, что герой «Записок из подполья» является выразителем идей самого Достоевского, которые писатель таким образом проповедует, скрываясь под маской подпольного человека. Вспомним, однако, что говорит Ницше в работе «К генеалогии морали»: «Нужно остерегаться путаницы, в которую слишком легко впадает художник путем психологической contiguity, как это называют англичане: как если бы сам он был тем, что он в состоянии изобразить, измыслить, выразить. Фактически же дело обстоит так, что, будь он этим самым, ему решительно не удалось бы изобразить, измыслить, выразить это; некий Гомер не сочинил бы Ахилла, некий Гете Фауста, если бы Гомер был неким Ахиллом, а Гете неким Фаустом. Совершенный и цельный художник на веки вечные отделен от "реального" и действительного; понятно, с другой стороны, как подчас ему может осточертеть эта вечная "нереальность" и фальшивость сокровеннейшего его существования, – и что тогда-то и решается он на попытку вторгнуться однажды в самую запретную для него зону, в действительное, быть действительным. С какими шансами на успех? О них нетрудно будет догадаться...»[8]

Теперь проанализируем общие идеи, свойственные философу и писателю. Мы обнаруживаем поразительную аналогию между атеизмом Ницше и отношением к Богу героев Достоевского. Я имею в виду именно героев Достоевского, а не самого автора; на самом деле он не доверял героям произведений высказывать свои собственные идеи; Достоевский не излагает с их помощью свои сокровенные мысли (которые из-за цензуры он не мог выразить открыто); тем не менее, именно благодаря своим персонажам он сумел почувствовать и осмыслить такие вещи, которые он никогда бы не осознал, не будучи великим художником, творцом. Когда он говорит от своего собствен-

[7] *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. Ленинград, 1973. С. 174.

[8] *Ницше Ф.* К генеалогии морали // По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. К генеалогии морали. Полемическое сочинение. М., 2007. С. 328.

ного имени, его идеи отнюдь не оригинальны и не глубоки. Между тем атеизм героев Достоевского всецело отличен от атеизма, присущего более или менее революционно настроенной интеллигенции. Достоевский сам осознает это. Прочитав в «Русском вестнике», где был опубликован роман «Братья Карамазовы», известную речь Ивана Карамазова о страданиях невинного ребенка, прокурор Святейшего Синода Победоносцев написал Достоевскому и задал ему вопрос о том, нашел ли писатель способ опровергнуть атеизм Ивана. Достоевский ему ответил, чтобы тот не тревожился, поскольку он знает, что можно противопоставить бунту Ивана, он просто хотел выразить атеизм с наибольшей силой, так, как он еще не был выражен ни в России, ни даже в Европе. В действительности, атеизм русских революционеров являлся оружием не только в теоретическом, но и в практическом смысле; они критиковали церковь, служившую интересам имущего класса. Писатель-сатирик Щедрин высмеивал революционеров: человек произошел от обезьяны, следовательно, мы должны принести себя в жертву людям. Возможно было бы точно так же сказать в отношении богачей: человек был создан по образу Бога, следовательно, оставим людей в нищете и невежестве. Русские революционеры, которых называют нигилистами, просто вычеркнули понятие Бога из своего словаря, точно так же, как химики вычеркнули из своего понятие флогистона после открытия Лавуазье. Для бунтовщиков Достоевского Бог был личным врагом, с которым им надлежало бороться, чтобы занять Его место и утвердить свою свободную волю. Раскольников, герой романа «Преступление и наказание», убивает исключительно для того, чтобы доказать себе, что сильному человеку все позволено. Он падает духом и предает себя в руки правосудия не потому, что его мучает совесть, а оттого, что признает собственную слабость: он не Наполеон, как ему казалось. Я думаю, Шеффнер был прав, когда говорил, о прослеживающейся в речи Заратустры о «бледном преступнике» аллюзии на «Преступление и наказание»:

«Но одно – мысль, другое – дело, третье – образ дела. Между ними не вращается колесо причинности.

Образ сделал этого бледного человека бледным. На высоте своего дела был он, когда он совершал его; но он не вынес его образа, когда оно совершилось.

Всегда смотрел он на себя как на свершителя одного свершения. Безумием называю я это: исключение обернулось ему сущностью его»[9].

[9] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. Так говорил Заратустра. Казус Вагнер. Сумерки идолов, или как философствуют молотом. Антихрист. Ecce homo. М., 2011. С. 184.

Ставрогин также не выдерживает тяжести своего поступка: после хладнокровного изнасилования девочки только ради того, чтобы оказаться по ту сторону добра и зла и уничтожить Бога, гаранта морали, его преследует призрак жертвы, и он вешается. Однако Ницше не мог ознакомиться с исповедью Ставрогина, которая была опубликована только после революции.

Безбожников Достоевского вдохновлял не сциентизм XIX века, а прогрессирующая «воля к власти» («instinct de puissance»). И нужно ли столько говорить об атеизме Ницше? Разве не было многочисленных попыток доказать различие между отрицанием Бога Ницше и отрицанием Бога его современниками, учеными и философами? Вы, конечно, помните афоризм из работы «Веселая наука», в котором автор возвещает равнодушным людям о смерти Бога: «Не слишком ли велика для нас ноша этого великого деяния? Быть может, мы сами должны обратиться в богов, дабы оказаться достойными содеянного? Никогда не было совершено деяния более великого – и все, кто родится после нас, будут благодаря сему деянию принадлежать уже к новой истории – более великой, чем вся история прошлого[10]». А что говорит Кириллов в романе «Бесы»? «Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам Богом стал – есть нелепость...»[11] И далее он утверждает, что смерть Бога откроет новую эру в истории человечества, которое преобразится даже физически. Поразительное соответствие. Я процитирую еще и другое, не менее удивительное.

Вы помните в романе «Братья Карамазовы» главу, которая называется «Великий инквизитор». Великий инквизитор понимал, что человечество не достойно той свободы, которую даровал ему Христос и которая стала его несчастьем. Человечество не стремится к истине, говорит он Христу, «нет заботы беспрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться. Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение. Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому поклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе»[12]. Другими словами, Ницше говорит о том, что человечество не столько испыты-

[10] *Ницше Ф.* Веселая наука. СПб., 2010. С. 158.

[11] *Достоевский Ф.М.* Бесы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Ленинград, 1974. С. 471.

[12] *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Ленинград, 1976. С. 231.

вает жажду истины, сколько стремится обрести идею, не важно истинную или ложную, способную объединить все человечество без исключения; не важно во что верить, главное верить всем вместе.

Также в книге «Братья Карамазовы» А. Шеффнер отмечает еще одно совпадение, которое, впрочем, кажется мне менее значимым: речь идет о Вечном Возвращении. В главе под названием «Черт. Кошмар Ивана Карамазова» черт говорит Ивану: «Да ведь теперешняя земля, может, сама-то билион раз повторялась... ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторяется, и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая...»[13] Но разве не очевидно, что в контексте этой главы идея Вечного Возвращения имела совсем другой смысл, чем в известном афоризме 341 «Веселой науки»?

Последнее замечание, которое мне кажется важным: никогда никто из великих нигилистов Достоевского не критиковал Христа, и Кириллов в особенности испытывал ко Христу бесконечное уважение, глубокую симпатию. «Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека – одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после ему такого же, и никогда, даже до чуда. В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда»[14]. В письме, написанном после освобождения из каторги, Достоевский скажет, что если бы ему было нужно выбирать между истиной и Христом, он выбрал бы Христа вопреки истине. «Истина» понимается здесь как слепая, жестокая, принуждающая истина сциентизма уходящей эпохи. Между тем, несмотря на то, что Ницше и критиковал христианство, христианскую мораль, христиан, Церковь, его критика никогда не относилась лично к Иисусу; чувствуется также скрытая симпатия к «Распятому», с которым он даже отождествлял себя в момент своего крушения.

Я говорил о сходствах, о совпадениях между идеями Достоевского и Ницше, но ничего не сказал о том влиянии, которое писатель оказал на философа. По многим вопросам, как отмечает А. Шеффнер, первый опережает второго. Но вопрос о первенстве не стоит на уровне великих умов: независимо от истоков, их идеи принадлежат только им, они были пережиты именно как собственные, и каждый из них выразил эти идеи по-своему.

---

[13] *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 15. Ленинград, 1976. С. 79.

[14] *Достоевский Ф.М.* Бесы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Ленинград, 1974. С. 471.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1*] Известный беллетрист, драматург и журналист П.Д. Боборыкин вводит героев-ницшеанцев в ряде своих произведений: «Перевал» (1893), «Накипь» (1899), «Жестокие» (1901). Видимо, имеется в виду роман «Перевал», который появился в тот момент, когда русское общество только начинало знакомиться с философией Ницше. В его романах очевидна вульгаризация ницшеанского учения. Боборыкин был знаком с позитивистами И. Тэном, Дж.С. Миллем, Г. Спенсером, писателями А. Дюма-сыном, Дж. Элиотом, У. Коллинзом; сближается с писателями-натуралистами Э. Золя, Э. Гонкуром, А. Доде, после чего начинает активно пропагандировать натурализм в России.

[2*] Эта работа была переведена на французский Шлёцером и вышла в 1926 году в издательстве La Pléiade.

[3*] Работа Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» была опубликована в 1900–1901 годах в журнале С.П. Дягилева «Мир искусства» и позднее издана отдельным двухтомником в 1902 году. Появление работы совпало с Определением Святейшего Синода № 557 о графе Льве Толстом. В основу работы легла дихотомия «христианство–язычество»: Толстой представлен язычником («тайновидец плоти»), ему противопоставлен Достоевский («тайновидец духа»).

[4*] Андре Шеффнер (André Schaeffner) – историк музыки, социолог, этнограф, музыкальный и литературный критик. Написал книгу о джазе (1926). Учился у С. Рейнака, М. Мосса, сотрудничал с журналом «Документы» (1929–1930), созданным Жоржем Батаем, дружил с другом Ж. Батая сюрреалистом Мишелем Лейрисом.

[5*] Петер Гаст (Peter Gast) (настоящее имя – Генрих Кезелиц) – композитор, друг Ф. Ницше. Работал в Веймарском архиве Ницше (1899–1909), отчасти несет на себе ответственность за редакцию книги «Воля к власти». Однако впоследствии он отказывается от сотрудничества с Элизабет Ферстер-Ницше. Псевдоним «Петер Гаст» был придуман именно Ницше (вероятно, он отсылает к опере В.А. Моцарта «Дон Жуан»: Peter – «камень» по латыни, Gast – «гость» на немецком языке).

[6*] Франц Овербек (Franz Overbeck) – протестантский теолог, друг Ф. Ницше. Был коллегой Ницше по Базельскому университету. Он отказался сотрудничать с архивом Ницше, обвинял Элизабет Ферстер-Ницше в превратном истолковании философии брата.

[7*] И. Гальперин (Ely Galpérine) и Ч. Морис (Charles Morice) перевели повесть «Записки из подполья» Достоевского для издательства Plon в 1886 году (то есть через два года после ее появления на русском языке). И. Гальперин-Каминский – писатель и переводчик. Им были сделаны переводы на французский ряда произведений русских писателей XIX – начала XX века: Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, М. Горького, В.М. Гаршина, а также романов Г. Сенкевича. С французского на русский он перевел работы Э. Золя, А. Доде, А. Дюма-

сына, В. Сарду. Ч. Морис – писатель, поэт и эссеист, переводил произведения Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова.

[8*] Поль Жинисти (Paul Ginisty) – писатель, журналист, литературный и театральный критик. Он был постоянным сотрудником издания Gil Blas, где познакомился с Ги де Мопассаном, который посвятил Жинисти роман «Мой дядя Состен». Кроме того, Мопассан написал предисловие к книге рассказов Жинисти «Любовь втроем». Во время коронации Александра III (1883 г.) Жинисти присутствовал на ней как корреспондент. В 1888 г. он вместе с Гюгом ле Ру поставил на сцене Одеона драму в 5 действиях Crime et Châtiment – постановку адаптированного для сцены романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

[9*] Gil Blas («Жиль Блаз») – ежедневное издание, названное по имени героя романа А.-Р. Лесажа «История Жиль Блаза из Сантильяны», было основано Огюстом Дюмоном. Он выходил с 9 ноября 1879 г. до 4 августа 1914 г., эпизодически в период между войнами с 20 января 1921 до марта 1940 г.

[10*] Шарль Андлер (Charles Andler) – директор Института германистики, ставший известным после выхода его пятитомного труда о Ницше. Андлер искал встречи с Львом Шестовым в ноябре 1927 г. для того, чтобы выразить философу свое восхищение его работами. В письме, датированном мартом 1928 года и опубликованном в книге Натальи Барановой-Шестовой «Жизнь Льва Шестова» (том II, стр. 8), Андлер говорит о глубокой радости, которую приносит ему чтение книг Шестова и о желании стать учеником философа. Их первая встреча относится к этому же периоду (март 1928 г.). Шлёцер написал рецензии на два тома сочинения Андлера (Современные записки. 1921. Кн. VI, VII). Однако отношение Шлёцера к этому труду было весьма критическим, поскольку, по его мнению, Андлер приписывает Ницше попытку создания новой морали, «переоценка ценностей» в его интерпретации предстает как перестановка понятий добро–зло, истина–ложь, и, тем самым, теряется истинный смысл учения Ницше. Ошибкой Андлера является то, что он пытается реконструировать философию Ницше, не учитывая личности философа, его эмоций, переживаний. И только Шестову удается приникнуть в суть учения Ницше, вскрыв внутреннюю драму философа. Кроме того, Андлер не рассматривает Достоевского среди предшественников Ницше, что также вызывает недоумение Шлёцера.

[11*] Вариантов перевода на французский язык названия повести Достоевского «Записки из подполья» существует даже больше: L'esprit souterrain («Дух подполья» или «Подпольное сознание»), Dans mon souterrain («В моем подполье»), Mémoires écrits d'un souterrain («Воспоминания, написанные в подполье»), La voix souterraine («Голос из подполья»), Les Carnets du sous-sol («Записки из подполья»), Notes d'un souterrain («Записки из подполья»). В 1956 году в издательстве La Pléiade вышел перевод Б. Шлёцера и П. Паскаля под заглавием Le Sous-sol («Подполье»). В дальнейшем, в тексте Шлёцер использует именно этот вариант перевода.